

УДК 101.3:316

Маленко Т.Д.

АРХАИЧЕСКИЕ МИФЫ И ПСЕВДОМИФОЛОГИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

В XX веке в разные годы многие ученые (С.Б. Крымский, А.В. Захаров, И.И. Кравченко, Э. Кассирер, У. Эко и др.) говорили о создании тоталитарными и посттоталитарными режимами благодатной почвы для возврата к мифологическому стилю мышления. До нас дошли в той или иной форме мифы Полинезии, Древней Греции, Африки, Скандинавии и других этнических территорий. В них, как правило, повествуется о сотворении мира, сотворении человека, животных, о подвигах героев, поступках богов, конце света, о странных существах, наделенных человеческими способностями — русалках, грифонах, валькириях, нимфах, фавнах, сатирах и т. д. Некоторые из них носят имена собственные (Минотавр, Медуза Горгона, Сцилла, Харибда), другие просто имеют видовое название — циклопы, дэвы, вампиры.

Люди античности, наделенные развитой нарративной традицией, выражали свои чувства по отношению к явлениям объективной реальности, используя доступные для понимания символы. Как выразить чувство преклонения перед плодородием земли, как словами передать ощущение созидательной силы, как пересказать и объяснить молодым поколениям интуитивные догадки о сотворении мира, гармонии и цикличности бытия? Архаичный миф пользовался наличным инструментарием и соответствующим аппаратом.

Люди архаической эпохи давали своим чувствам конкретные имена — Гера, Деметра, Норны, Один, Тор, Дальубы, Изиды, Сет и т. д. Им и в голову не приходило сомневаться в правильности и достоверности, к примеру, событий «Махабхараты» или «Рамаяны», поскольку альтернативы не было. Наука, в современном смысле этого слова, отсутствовала. Поэтому даже если бы нашлись желающие «алгеброй гармонию проверить», подходящего инструментария не оказалось бы, поскольку «алгебра», в метафорическом значении, еще не была создана. Люди античности искренне верили в подлинность своих мифов, поскольку они их не формировали, а, основываясь на вполне рациональных соображениях, формулировали. Нечто подобное происходит с творческими людьми — писателями, художниками, режиссерами, которые доступным им инструментарием формируют иррациональные страхи, интуитивные ощущения, желания своих современников в виде образов «Мадонны атомной эры» Стивена Спилберга, городов-призраков Стивена Кинга, Роджера Желязны, хоббитов, эльфов, наргутиов Толкина и т. д. Соответствующие произведения относятся к жанру научной фантастики, поскольку являются плодом воображения их авторов. Однако не случайно они пользуются столь огромным успехом у читателей и зрителей. Видимо, создатели интуитивно почувствовали такие конструкции, мыслеформы нашей ментальной сферы и

наделили их художественной формой-символом.

Возникает естественный вопрос — что же теперь, и нам, современным людям, вооруженным информационными и космическими технологиями, поверить в художественный вымысел, «вернуться к истокам» и на лекциях по биологии объяснять студентам окраску на примере сказания о пеликане бунднил-борун, который был сплошь черным до потопа, полюбил одну из трех спасшихся женщин, а затем начал окрашивать себя в белый цвет, чтобы вступить в борьбу с мужем обманувшей его плутовки? (Сказание о Великом потопа туземного австралийского племени курнаи). [1, с. 298].

Разумеется, нет. Архаичный миф умер, поскольку безвозвратно изменилась культурно-историческая среда человека как субъекта познания. Однако биологически человек как вид не претерпел со времен античности никаких изменений.

Сознание человека являет собой психо-энергетическую реальность, появившуюся на определенной стадии эволюции высших приматов и необратимо отделившую его от животного мира. Это, как уже давно доказано психологами, рациональная составляющая нашей ментальной сферы. Иррациональной ее частью является подсознание и архетипы — психодейятельностные и поведенческие прообразы, заложенные в самом начале антропогенеза и передающиеся на генетическом уровне (К. Юнг), «как наиболее консервативная часть психики индивида» [2, с. 145].

В обычном состоянии человеческому мышлению свойственны такие признаки, как активность, целенаправленность, опосредованность, системное восприятие действительности, выработка решения с использованием категорий формальной логики — понятия, суждения, умозаключения. Без рациональной составляющей (сознания) человек не получает адекватного знания о существенных особенностях и причинно-следственных связях объективной реальности.

Однако тоталитарные и посттоталитарные режимы создали особые условия для ментальной деятельности человека. Эти режимы лишь внешне выглядят как рациональные механизмы власти (господства-подчинения). На самом деле, рациональные критические структуры мироотношения личности подавляются в тоталитарном государстве, а социально задействованными оказываются бессознательные, нерациональные компоненты сознания. Обратными сторонами погружения личности в тоталитарный «ментальный раствор» являются такие амбивалентные и деструктивные по своей направленности свойства как агрессия (внешнее проявление деструктивности) и подавленность (внутреннее проявление деструктивности). В социальном плане это проявляется либо в историческом энтузиазме (трудовом, идейно-политическом) или в пассивности личности. Здесь, как нам кажется, необходимо указать на те символы, которые в качестве сакральных, патриархальных, харизматических фигур служат и «пугалом», и гарантом существовавших тоталитарных режимов. Многие лидеры коммунистических и национал-социалистических государств середины XX века подпадают под категорию «Полубог – Отец – Хозяин». Это один из краеугольных камней устойчивости авторитаризма.

В каждом из людей скрыта «базовая личность», обладающая как заданной этносоциальной, культурной матрицей, так и психологической. «Базовая личность» в значительной мере неосознанно «несет в себе традиционный для данного этноса образ... мира, образ идеальных межличностных отношений, типовой образ Я — члена этноса, сценарий жизни и смысложизненную философию»[2, с. 145]. В нормальных условиях эта «базовая личность» обладает активным сознанием, которое позволяет ей сопоставлять, анализировать, идентифицировать, сопротивляться влиянию окружающей среды.

В особой культурно-исторической среде тоталитарных и посттоталитарных режимов сознание базовой «личности» теряет активность. Происходит это по-разному. К примеру, возможен сброс в ментальную сферу избыточной информации в объеме, превышающем возможности обработки и усвоения информации, адресованной субъектам познания, как это имело место в эпоху гласности и перестройки.

Автоматически включается защитный механизм, и сознание прекращает активную работу по переработке и творческому анализу поступающей информации.

Сильные низменные эмоции типа омерзения, страха, ненависти, навеянные культурно-информационной средой, также вызывают смену активного сознания на пограничное. Пограничное сознание может длиться от преходящего состояния транса из-за столкновения с шокирующими явлениями антиэстетики — сценами насилия, уродства — до сколь угодно длительного. В последнем случае активное сознание подменяется квази-сознанием. Квази-сознание начинает анализировать не явления объективной реальности, а эмоции, чувства «базовой личности» по поводу того или иного события. Формирование современных псевдомифов проходит сначала иррациональную стадию. Сначала непонятные и нежелательные события в условиях информационной перегрузки включают природный механизм психологической защиты людей, блокируя рациональный анализ и выработку умозаключения.

Затем на первый план выступает чувственно-инстинктивная реакция (страх, печаль, обида, раздражение), которая заставляет зомбированное квази-сознание перерабатывать информацию об этих реакциях. Наступает вторая, псевдорациональная стадия формирования псевдомифов. Образуются ложные причинно-следственные связи. Квази-сознание, как психо-энергетическая реальность, обладающая ментальной энергией, начинает продуцировать ложные мыслеформы. Они, как и настоящие мыслеформы, становятся собственностью человека, закрепляются в памяти и могут быть произвольно (или под влиянием внешних воздействий) вызваны. Эта мыслеформа приводит к воспроизведению чувственного образа. Объединение мыслеформ двух или большего числа людей, имеющих общие воспоминания, переживания, интересы, общую историческую судьбу и схожее миропонимание приведет к созданию псевдомифов, как обычном компоненте ментальной сферы этносов с прерванными культурными традициями. Как пишет В. С. Щербakov, для подобных этносов «характерно легковесное, безответственное отношение к ментальной сфере. Утрачены культура мышления и саморегуляции на ментальном + психо-энергетическом уровне. Большею частью

люди только считают, что они «думают», на самом деле им «думается» под влиянием стимулов из внутренней и внешней среды» [3, с. 47].

На уровне этносов, переживающих тоталитарный и посттоталитарный режим можно говорить уже не о квази-сознании отдельной личности, а о «коллективном бессознательном» как особой коллективной форме фрустрации общественного сознания. Тоталитарные режимы и их разновидности просто провоцируют население на создание псевдомифов. Власть в таких условиях тоталитаризма бессубъективна, облечена покровом тайны и к тому же имплицитно подозревается простыми людьми в неподлинности, самозванстве, фальсификаторстве. Официальная информация априори считается искаженной либо заведомо ложной, поэтому квази-сознание выдает на-гора собственный образ, основанный на привычках, личных переживаниях, ценностей субъекта. Псевдомиф превращается в убеждения, мировоззрение, поведение. Пресса, как сакральный посредник между народом и властью, занимается речепроизводством и текстопроизводством в условиях грандиозного обесценивания слов, полной деперсонификацией и общеписательным характером материала. В. Яременко вводит термин «информативные фигуры» [4], которые как нельзя лучше служат фильтрации, искажению и завуалированности истинного Знания. Действительно, сколь велико может быть Знание, почерпнутое из информационного сообщения о том, что в Брюсселе состоялось очередное совещание «представителей МВФ и Украины в атмосфере согласия и взаимопонимания и достигнут целый ряд соглашений»? В итоге в стране и получается постоянное хождение слухов, фантастических домыслов и легенд о действительных или мнимых намерениях властей. Эта фантастичность является общим элементом как для архаичного мифа, так и для современных псевдомифов.

Однако люди античности передавали посредством мифа миропонимание, а современные люди — свое мироощущение. Архаичный миф имел временную диспозицию всегда в Past Perfect, современные же псевдомифы обладают характерной особенностью по формированию образов настоящего и будущего. Истоки обоих лежат в чувственно-сенситивной сфере, однако псевдомиф, пишет И. И. Кравченко, освобождает ее «от знания, от умственных усилий, связанных с восприятием мира» [5, с. 13].

Имея общие истоки, механизм образования мифов и псевдомифов различается лишь на стадии обработки чувственно-сенситивной информации сознанием. Современный же псевдомиф, рожденный эмоциями — гневом, страхом, возмущением, надеждой — в условиях блокировки истинного сознания перерабатывается квази-сознанием, которое, нимало не заботясь о рациональном объяснении, выдает ложные причинно-следственные связи и находит ложные ответы. Возникает патовая ситуация «ученого незнания». В нашем «коллективном бессознательном» соответствует множество псевдомифических образов — например, «наших врагов» — чиновников, криминалитета, дельцов теневой экономики, деструктивных сил, тех, кто не заботится о благе народа.

Никто особенно не задумывается над тем, что, скажем, понятие «криминалитет» не имеет четкого определения ни в Уголовном Кодексе Украины, ни в трудах юристов и экономистов. Тем не менее с криминалитетом мы уже

«боремся», даже не подозревая, сколь мифична эта борьба.

Псевдомифы неизбежны для любого общества. Одни из них несут положительный креативный заряд (свобода, равенство, верховенство права, прогресс), другие — отрицательный деструктивный заряд. Отрицательные псевдомифы всегда несут на себе печать некоей рукотворности. Нельзя исключить, что «коллективным бессознательным» пользуются опытные суггесторы в интересах некоторых общественно-политических структур. Но это уже предмет заботы информационной безопасности державы.

Несмотря на то, что псевдомифы являются плодом работы мозга, никакого отношения к процессу познания они не имеют. Может быть, псевдомиф — это модификация возможности? Чем идеальные объекты, к примеру, точка в математике, абсолютно черное тела в физике, идеальный газ отличаются от псевдомифа «о чародействе власти». Ведь и то и другое лежит в области представлений, в субъективной реальности?

Различие заключается в том, что представления об идеальном газе появились в результате активной деятельности сознания со строго выдержанной логической цепочкой суждений и умозаключений, в результате которой сформировалось научное представление об идеальном газе. Его образ является конструкцией разума, результатом активной и целенаправленной работы сознания в процессе научного поиска. А псевдомифы создаются квази-сознанием, продуцирующим фантастические образы, не выдерживающие эмпирической проверки.

Длительность существования этих фантомов зависит от степени точности их наложения на наследственные первозданные образы архаической психики — архетипы (К. Юнг). Как показывает развитие культуры в целом и политической деятельности в частности, воздействие архетипов на сознание как отдельного индивидуума, так и социальных групп, и, даже больших групп людей. Причём, это действие может оказывать как позитивное воздействие (положительный, конструктивный и подвижнический энтузиазм) так и негативное (деструктивные импульсы). Синхроничность действия архетипов до сих пор не исследована, а потому представляет потенциальную опасность в случае развития политической ситуации по негативному сценарию.

В связи с этим исследование мифов, мифологических механизмов не представляет только лишь исторический интерес, но может открыть «тайны» политических механизмов лежащих в основе электоральных мероприятий (особенно связанных с механизмами воздействия политической рекламы или антирекламы), социальных, этно-национальных эксцессов. Сознательная познавательная деятельность создает научную картину мира и приближает открытие Истины. В то время как квази-сознание своими монструозными призраками творит лишь виртуальную реальность, ограниченную только эмоциональной реактивностью и воображением человека. «Коллективное бессознательное» не интересуется научной картиной мира. В свою очередь, научное познание не терпит мифологии, но требует активно работы разума и тщательной эмпирической проверки.

Тоталитарные сообщества, в которых позволительно манипулирование, искажение информации и ограничение доступа к ней, являются благодарной почвой

для образования «коллективного бессознательного» и создаваемых им псевдомифов. Социум живет словно в наркотическом сне, постоянно подпитываемом как извне, так и изнутри, из эмоционально-сенситивной сферы субъекта познания — индивида. С чем сравнимо это состояние — с блужданием по полям асфоделией, с пением сирен, с волшебным напитком Цирцеи? Как долго длится «коллективное бессознательное», сон разума? Что нужно для пробуждения, и нужно ли это пробуждение самому социуму? На эти вопросы еще предстоит ответить последующим исследованиям.

Список литературы

1. Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. — 2-е изд., испр. — М. Политиздат, 1985.
2. Колісник О. П. Ментальність, ідентичність, базова особистість та національна еліта українців. (Матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції «Проблеми безпеки укр. нації на порозі XXI сторіччя». — Ч. 1. — Київ-Чернівці, — 1998. — с. 145-157.
3. Щербак В. С.. Розвиток ментальності як оптопсихологічна засада безпеки особистості: підходи і рекомендації (Матеріали всеукр. науково-практ. конференції «Проблеми безпеки укр. нації на порозі XXI сторіччя»). — Ч. 1 — Київ— Чернівці. Київський військовий гуманітарний інститут, 1998.
4. Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность. Вопросы философии. — №1 — с. 3-14.

Поступило в редакцию 23.09.2001